

**«С ПОЧЕТОМ ПРЕДАТЬ ЗЕМЛЕ»:
ЦЕРЕМОНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ И РЕФОРМАЦИЯ
ВО ФРАНЦИИ XVI-XVII ВВ.**

Б. Руссель

«Уже сто тысяч лет тому назад в Палестине а, может быть, в Эфиопии и в северной Африке люди имели такое же физическое строение, как мы. Но они были похожи на нас не только с точки зрения анатомии. Своих мертвых они хоронили в могилах, определенным образом располагая тело; в их погребениях находят остатки цветов и подношения усопшим, т.е. следы религиозных обрядов»¹.

Прошли века... И оказалось, что около 1560 г. мужчины и женщины Французского королевства, объединившиеся в первые реформатские церковные общины, «делали» для своих умерших уже гораздо меньше. То же самое продолжалось и спустя два века. Впрочем, сказанное не означает, что они не делали «ничего». Всякий раз, когда позволяли обстоятельства, они устраивали процессию, «с почетом предавали тела земле»² и довольствовались этим. Подобную сдержанность историки нередко объясняют демонстративным анти-католицизмом первых реформаторов и/или их равнодушием к тому, что будет с телом после смерти. Говорят и о том, что таким образом подавлялись эмоции людей, переживавших боль утраты. Все перечисленное, безусловно, присутствовало в кальвинистском погребальном обряде. И все же сказанного слишком мало для объяснения поведения протестантов по отношению к каждому из тех шестисот или восьмисот тысяч умерших единоверцев, которые были преданы столь скромному погребению. Для того чтобы продвинуться в понимании вопроса, нужно вспомнить, что понятие «смерть» является культурной конструкцией, имеющей отношение к полу (gender), возрастной группе, социальному положению. Для протестантов XVI в., а также их современников «смерть» была отнюдь не той, что фигурирует сегодня в наших спорах о паллиатив-

Бернар Руссель – профессор Высшей практической школы исследований (Париж).

¹ *Langaney A. Les bases génétiques de l'évolution humaine // Université de tous les savoirs / Sous dir. de Y.W. Michaud. P., 2000, Vol. 1. P. 129.*

² *Viret P. L'office des morts fait par dialogues en manière de devis. T. 1. L'Enterrement. Genève, 1552. P. 31.*

ном лечении или допустимости эвтаназии³. На самом деле изучение погребальных обрядов может выявить очень многое касательно представлений о смерти, о соотношении души и тела, индивида и общины, к которой он принадлежал, о взаимоотношениях живых и мертвых. Речь идет, конечно же, об элементах «христианской» культуры, однако, во многом чуждой нам и не совпадающей с нашей. Историк должен внимательно учитывать все подобные различия.

В данной работе нам хотелось бы показать, что, провожая усопшего от его дома до места погребения, протестанты открыто выражали главную черту культуры реформатской церкви. Она утвердилась необычайно быстро, была распространена очень широко и сохранялась долго. Следовательно, ее для объяснения необходимо рассмотреть систему протестантских представлений и обрядов во всей их целостности. С нашей точки зрения, указанная черта непосредственно связана с совершением протестантского ритуала Тайной вечери. Следует напомнить, что данный ритуал, стал основополагающим в обновленной «религии» тех мужчин и женщин, которые по разным и не доступным историком мотивам однажды порвали с традициями своих отцов и матерей, а также своего приходского окружения⁴.

Для простоты изложения, а также исходя из методологических соображений, мы искусственно выделяем период в несколько часов: от установления смерти до захоронения тела. Речь может идти максимум о двадцати четырех часах, за исключением тех случаев, когда тело дворянина, умершего вдали от дома, подвергалось перевозке⁵. По тем же причинам мы абстрагируемся от всего того, что нам известно о жутких условиях, в которых часто приходилось умирать людям XVI века. Для упрощения рассуждения представим себе, что взрослый человек скончался у себя дома, что близкие его находились рядом, и все дальнейшее могло происходить более или менее нормальным образом. Мы проследим погребальный путь, который, как известно, часто воспринимался, да и сейчас воспринимается еще,

³ Koslofsky C.M. The Reformation of the Dead. Death and Ritual in Early Modern Germany. 1450-1700. N.-Y., 2000. P. 5.

⁴ См.: Roussel B. «Faire la cène» dans les Eglises réformées du Royaume de France au seizième siècle (1555-1575) // Archives de Sciences Sociales des Religions. 1994. Т. 85. P. 99-119.

⁵ Discipline de l'Eglise de Saint Lô (1563). De la sépulture, art. 2: «Не следует торопиться предавать их земле, дабы избежать несообразностей [т.е. похорон мнимых умерших – Б.Р.], а также оставлять слишком надолго без погребения из-за опасности разложения [т.е. из соображений гигиены, при этом совершенно не упоминается о возможном загрязнении от контакта с трупом – Б.Р.].» Подробнее об этом источнике более см. ниже. А вот пример просьбы о перевозке, исходящей 16 августа 1570 г. от Антуанетты д'Обтер: Antoinette d'Aubeterre, Dame de Soubise, du Parc et de Mouchamps. Testament // BSHPF. 1864. Т. 13. P. 306-313: «[Находясь сегодня в Ла Рошели,] я желаю, тем не менее, если Господу будет угодно распорядиться мною, чтобы тело мое было доставлено и погребено в храме вышеозначенного Мушана, рядом с могилой моего покойного господина и мужа» (P. 311).

как опасный. Путь, ведущий к вырытой в земле могиле. Однако для протестантов она не являла собой врат в адские пределы, или дыры, через которую «ушедшие» могли возвращаться, дабы терзать живых. Она была «ложем отдыха», даруемым матерью-землей.

Приведем вначале несколько рассказов, похожих на те, что упоминаются в других исследованиях.

В 1553 г. Мари де Монсожон, жена Антуана де Вильмора, нотариуса и прокурора в Труа, «женщина богобоязненная и посещавшая святые собрания», пишет завещание. Она просит, чтобы «ее тело было предано земле вечером, при свете фонаря, без какого-либо освещения или траурных церемоний, и ни в коем случае не допуская шумного сопровождения, обычного у папистов». После обсуждения совет общины Труа соглашается «захоронить тело, не чиня никаких препятствий»⁶.

Аналогичен пример Филиппы де Лёнс, хотя он и выглядит более шокирующим, а последствия истории более трагичны. Эту молодую женщину («приблизительно двадцати трех лет») из Перигора заключили в парижскую тюрьму, обвинив в том, что она похоронила у себя в саду мужа, умершего в мае 1558 г. Она отвечала, «что это не так и что он был перенесен в Отель Дьё, дабы быть похороненным рядом с другими останками (свидетельство чего она может представить), хотя никаких других религиозных церемоний не осуществлялось»⁷.

Позже, в июне 1569 г., во время захвата города «дама-католичка из Брассака», что возле Кастра, была убита солдатом-протестантом. На месте трагедии вспыхнул пожар, и «тело пришлось вынести из дома, чтобы уберечь от огня. Оно так и оставалось лежать до тех пор, пока один обыватель, из числа приверженцев Религии [имеется в виду протестант – *Б.Р.*], не завернул его в саван и, несмотря на бесчинства солдат, отнес в церковь, где и похоронил настолько достойно, насколько смог и насколько позволили ему обстоятельства»⁸. Вот прекрасный пример того, как гугенот посвоему отдал последний долг уважаемой им даме-католичке. Стоит обратить внимание на выражение: он ее «похоронил настолько достойно, насколько смог».

Обратимся теперь ко времени несколько десятилетий спустя. Простота процессий сохранилась, как о том свидетельствуют «приглашения на похороны» художников-гугенотов в Париже XVII в.⁹ Если в Мемуарах Жана

⁶ *Pithou de Chamgobert N. Chroniques de Troyes et de la Champagne durant les guerres de Religion (1524-1594). Reims, T. 1. 1998. P. 131 et suiv.*

⁷ *Crespin J. Histoire des Martyrs. Toulouse, 1887. T. 2. P. 565 et suiv.*

⁸ *Mémoires de Jacques Gaches sur les guerres de religion à Castres et dans le Languedoc (1555-1610) / Publiés par Ch. Pradel. P., 1879. P. 88.*

⁹ *Raulet L. Les billets d'enterrement d'artistes huguenots de l'ancienne Académie royale de peinture et de sculpture (1653-1712) // BSCPF. 1907. T. 56. P. 53-69. Пример: «Сударь, Вас просят присутствовать на похоронах господина Ланса, при жизни бывшего художником Короля в его академии, скончавшегося у себя в доме на набережной Межиссери,*

Кавалье из-за отсутствия определенных предписаний не обнаруживается забота об исполнении «долга» по отношению к усопшим¹⁰, то в других случаях в Париже проявлялось стремление к тому, чтобы все происходило по порядку и «достойным образом». Вот пример, относящийся к XVIII веку. 1 февраля 1757 г. «в возрасте 78 лет умер принадлежавший к протестантскому вероисповеданию» Гаспар Ле Вассер, адвокат Парламента. Согласно разрешению на погребение, подписанному комиссаром Шатле Бриконом, «он будет захоронен без шума, огласки и пышности на территории склада, принадлежащего Моро в Порт-о-Платре [т.е. в Берси – Б.Р.]. Полиции приказано оказать помощь в случае необходимости»¹¹. Порядок проведения обряда соответствовал здесь протестантскому обычаю, если не считать дополняющих его отвратительных условий: и почти через 70 лет после отмены Нантского эдикта протестанты находились под жестким контролем.

Итак, мы имеем дело с практикой, в своих основных чертах сложившейся уже очень давно¹². Когда обстоятельства позволяли, разрешалось присутствовать при агонии умирающего¹³. Затем констатировалась смерть. Наконец, наступал момент, когда тело умершего в сопровождении нескольких близких людей несли к месту захоронения. К вопросу о выборе места погребения мы еще вернемся. Пастор держался в стороне от похоронной процессии, если только не участвовал в ней как частное лицо. Однако никогда к людям, собравшимся на похороны, не обращались с проповедью. Таковы были обычаи, соблюдавшиеся французскими протестантами¹⁴. Во Франции не наблюдалось перемен, имевших место в

которые состоятся в воскресенье 20 января 1661 г., в пять часов вечера, на кладбище предместья Сен-Жермен, где будет иметь удовольствие присутствовать вся Корпорация». (Приношу благодарность Р. Менцеру, обратившему мое внимание на этот текст).

¹⁰ Cavalier J. *Mémoires sur la guerre des Camisards*. (Dublin, 1726). Paris, Payot, «Prismes», 1987, passim.

¹¹ Согласно свидетельству анонимной записки, найденной в Архиве Шатле ученым XIX в. Разумеется, это всего лишь один пример из многих.

¹² Разумеется, в «классических» работах можно найти также и другие рассказы. См.: Felice P., de. *Les protestants d'autrefois. Vie intérieure des Eglises, mœurs et usages. Les Temples-Les services religieux-Les actes pastoraux*. P., 1897. P. 248-272 (Ch. XI. Les inhumations); Faivre B. *La mort à travers la littérature protestante aux XVIe et XVIIe siècles. Mémoire de Maîtrise*. Paris-IV, 1973; Ariès Ph. *L'homme devant la mort*. P., 1977; Vovelle M. *La Mort et l'Occident, de 1300 à nos jours*. P., 1983.

¹³ См.: Carbonnier-Burkard M. *L'art de mourir réformé. Les récits des dernières heures chez les réformés français aux XVIIe et XVIIIe siècles // Homo religiosus. Autour de J. Delumeau*. P., 1997. P. 99-107.

¹⁴ У нас нет возможности углубляться здесь в сравнения. Подробнее см.: Koslofsky C.M. *Op. cit.* P. 93: «В анабаптистских общинах похороны представляли собой лишенную какой бы то ни было помпы заупокойную службу; протестантская традиция сводила участие служителей культа к абсолютному минимуму. Однако приверженцы лютеранской реформатской церкви не практиковали такого крайнего упрощения или исключения похоронного ритуала... Лютеранское понимание похорон было связано с

Женева, в Англии или в странах распространения лютеранства, где стали появляться пышные похороны, подчеркивавшие социальные различия, либо погребальная церемония превращалась даже в ночное барочное празднество, как в лютеранской Германии¹⁵.

Важно проверить, совпадают ли рассказы с весьма лаконичными указаниями, которые содержатся в «Правилах» (Disciplines), существовавших в разных храмах. Так, «Правила» церквей в Байё и Сен-Ло, очень схожие между собой, предписывали: «Мертвых следует хоронить достойно и без пышности, до кладбища их должен сопровождать Старейшина и Дьякон, а также братья, жившие по соседству. В землю тела опускают без каких-либо проповедей или молитв, дабы избежать суеверий»¹⁶. В остальных статьях речь шла о сооружении носилок, приобретении савана и утешении Старейшиной тех, кто «удручен» кончиной близкого. Не удивительно, что «Правила», составленные и распространявшиеся национальными Синодами, крайне скупо освещают подобные вопросы, в решении которых преобладали местные и семейные традиции. В последней статье текста 1563 г., выпущенного после национального Синода в Лионе, уточнялся статус пасторов. Во время похорон им предписывалось не читать молитв и не произносить проповедей, дабы избежать каких бы то ни было суеверий. Они могли лишь немного добавить от себя, несмотря на просьбы придать обряду торжественный характер¹⁷. Не случайно среди образцов молитв и ду-

основополагающей доктриной, обещанием воскресения, как следствия спасения личной верой, и сопровождалось ритуалом утешения живущих и демонстрированием почета».

¹⁵ В связи с этими вопросами мы с интересом ждем выхода в свет посвященных Женеве исследований Макса Ангамарра. Кроме того, см.: *Rohner-Baumberger U.* Das Begräbniswesen im calvinistischen Genf. Basel, 1975. Об Англии и лютеранской Германии работ очень много. Ограничимся тремя названиями: *Gittings Cl.* Death, Burial and the individual in Early Modern England. L., 1984; *Karant-Nunn Susan C.* The Reformation of Ritual. An Interpretation of early modern Germany. L., N.Y., 1997; *Koslofsky C.M.* Op. cit. М.Венар и Б.Воглер в большей степени, чем М. Вовель (*Vovelle M.* Op. cit., p. 229 et suiv.), подчеркивают разницу между кальвинистами и лютеранами, но, говоря о первых, они обращают внимание лишь на запреты, воздержание и т.д. См.: *Histoire du Christianisme*. Т. 8. Le temps des confessions (1530-1620). s.l., 1992. P. 948 et suiv.

¹⁶ «Правила» церкви в Байё (1563) см.: *Kingdon R.M., Reulos M.* «Disciplines» réformées françaises du XVIe siècle: une découverte faite aux Etats Unis // BSHPF. 1984. Т. 130. P. 69-86 (p. 81: «De la séepulture»). «Правила» церкви в Сен-Ло (1563) см.: *Reulos M.* Les débuts des communautés réformées dans l'actuel Département de la Manche (Cotentin et Avranché) // *Revue du Département de la Manche*. 1982. № Special. Réforme et Contre-Réforme en Normandie. Fascicules 93-94-95. P. 31-61 (p. 54. art. XV: «De la sépulture»).

¹⁷ См. «Правила», изданные Юиссо в 1666, гл. 10: *Méjan Fr.* Discipline de l'Eglise réformée de France. P., 1947. P. 260 et suiv. В статье 5 сформулированы ограничения, подводящие итог спорам, происходившим на национальных Синодах в Гапе (1603), Шарантоне (1631) и Алансоне (1637): «Не будет никаких молитв, проповедей, общественных пожертвований во время похорон, дабы избежать каких бы то ни было суеверий; сопровождающим тело надлежит вести себя скромно во время процессии, размышляя в соответствии с тем, что им является, как о ничтожестве и скоротечности этой

ховных песнопений, предназначенные для церковных служб, нет относящихся к похоронам¹⁸.

* * *

Что касается теологов, то Ж. Кальвин в этом вопросе весьма немногословен, зато любопытство историка способен полностью удовлетворить Пьер Вире, сочинивший «Диалог о похоронах»¹⁹. С воодушевлением и со знанием дела он сравнивал похоронные ритуалы Античности, евреев и первых христиан, а затем подвергал бескомпромиссной критике современные ему погребальные обряды. П. Вире жил в Лозанне, однако сказанное им относилось не только к территории кантона Во. Приведем его рекомендации лишь по некоторым из затронутых им вопросов:

а) *Эмоции*. Горе тех, кого затрагивает кончина, должно иметь выход, однако не чрезмерный: «[Иисус Христос] ведь не говорит: не думайте об усопших и не печальтесь о них вовсе, поскольку это было бы чересчур стоически; предъявление такого требования к людям означало бы, что он хочет превратить их в камень или в бревно, лишив каких бы то ни было чувств. Ничего подобного нет в Евангелической доктрине»²⁰. Нужно придать умеренность своему отношению к смерти и выработать такую манеру поведения, которая показывала бы, что верующие «отнюдь не удручены подобно язычникам и неверным, не имеющим надежды на воскресение» (ссылка на I Фес. 4: 5)²¹. Здесь приличествует сдержанность.

б) *Простота*. «Какую большую честь и услугу могли бы мы им [умершим] оказать, как не предать их достойно земле, следуя Божественному приговору, который говорит: прах ты и в прах возвратишься (Быт. 3: 19)»²². Одной из ясно выраженных основополагающих истин Библии являлся для Вире рассказ о скромном и достойном погребении Иисуса. В противоположность некоторым францисканцам, выражавшим пренебрежение к останкам, верующий протестант оказывался ближе к «достойному» Диогену Тускуланскому, который «хотя и не слишком беспокоился о похоронах, но все же заботился о том, чтобы его тело не бросили собакам»²³.

жизни, так и о надежде на жизнь во блаженстве». В ст. 6 предписывается носить траур не в «одежде», а в «душе».

¹⁸ См.: *Calvini J. Opera selecta* / Ed. P. Barth et G. Niesel. T. 2. München, 1970. P. 11 et suiv.

¹⁹ Речь идет о первом «Диалоге» из пяти, которые входят в «Службу по умершим, состоящую из Диалогов, представленных в виде таблицы, и составляющую третью часть Христианских диспутов». Роли распределены между Теофилом, Иларием, Томасом и Эвсебием.

²⁰ *Viret P. L'office des mortz*. Genève, 1552. P. 30.

²¹ *Ibid.* P. 31.

²² *Ibid.* P. 26.

²³ *Ibid.* P. 28.

в) *Кладбище*: «Следовательно, как говорит Теофил, нам надлежит до-вольствоваться достойным погребением тел умерших и преданием их зем-ле; их следует опускать в могилу, как на ложе, дабы они ожидали прише-ствия Иисуса и воскресения всякой плоти». Если возможно, то хоронить нужно на «кладбище, ...месте, предназначенном [христианами] для похорон, поскольку оно есть одр, ложе и спальня усопших верующих [...]. Ибо мы причиним большой ущерб нашим телам, являвшим собой храм Божий, в коем обитал Господь и кои были освящены кровью Иисуса Христа, предназначены бессмертному наследию его Царства в честь его и во славу, если бросим их, подобно падали последних скотов, на растерзание псам, воронам и диким зверям, как если бы после смерти им не предстояла жизнь и уделом их не было определено бессмертие»²⁴. И не следует обма-нываться в том, что касается кладбищ: «Большим суеверием и идолопо-клонством является представление, будто земля приносит большую или меньшую святость умершим. Ибо святость отнюдь не исходит от земли, какова бы она ни была, но от святых, которые в ней покоятся. Следова-тельно, там, где похоронены святые, т.е. истинные христиане, земля свя-тая, даже если она располагается в Турции. Наоборот, если в земле похоронены неверные, то она осквернена, хотя бы это было в земном раю»²⁵.

Подобный разрыв с самыми укоренившимися традициями не мог про-изойти, не произведя шока, потрясения, не породив сильной тревоги у тех, кто не являлся кальвинистом, т.е. у католиков. Необходимо также обяза-тельно учитывать то, что протестанты стремились утвердить свои доктри-ны и ввести свой культ на территории Французского королевства, не отка-зываясь от социальных позиций, которые они занимали. Главную трудность как до, так и после отмены Нантского эдикта, составляла как раз их претензия на раздел символического и ритуального «пространства» в пределах одной и той же реальной территории.

Уже когда похороны короля Франциска II в 1560 г. прошли без обыч-ной пышности, пошли разговоры, что король был погребен «по-лютерански»²⁶.

А вот что писал несколько позже хорошо информированный Флори-мон де Рэмон, очевидно полемизируя с протестантской доктриной: «Когда кто-то из них преступает порог свой жизни, то его кладут в гроб без пыш-ности и каких бы то ни было церемоний и молитв; гроб поднимают слуги, а если умерший был человеком из народа, то носильщики; они несут его в какое-нибудь поле, неосвященное место, выделенное магистратом для по-хорон приверженцев его религии. Правда, за телом идут родные и друзья умершего, но они не облачены в траур и не несут никаких знаков, свиде-

²⁴ Ibid. P. 31-32.

²⁵ Ibid. P. 33.

²⁶ Отсюда родилась насмешливая поговорка: «хоронить по-лютерански гонителя лютеран». См.: Correspondance de Bèze. Genève. T. 3. P. 71 et suiv.

тельствующих о том, что они христиане. А пастор даже не идет с ними, если только умер не какой-нибудь высокопоставленный человек, но и тогда пастор присутствует как частное лицо, а не как священнослужитель. Процессия движется в тишине, ибо никто не осмеливается даже сделать вид, что молится Богу из опасения прослыть папистом. Вот до какой степени доходит их нечестивость. Тут есть, разумеется, о чем плакать, когда видишь, как с погибелью их тела гибнет также и их душа»²⁷. Едкий комментарий Рэмона породил целую традицию описания протестантов, к которой стоит относиться критически: протестанты богохульствуют против Создателя, ибо совершенно не заботятся о теле скончавшегося; они не соблюдают библейских предписаний, ибо не молятся за усопших; они причиняют ущерб как ушедшим, так и живым, ибо ничего не делают для облегчения участи умерших; они не стремятся восстановить социальный порядок, нарушенный вмешательством смерти, ибо отвергают пышный ритуал похорон. Таким образом, протестанты одновременно подвергают Бога поношению, а социальный порядок опасности²⁸.

Многие католики разделяли подобные мысли и слова. При прохождении протестантских похоронных процессий нередко вспыхивали возмущения. Толпа стремилась помешать захоронению тела протестанта, которое отождествляла с падалью; труп сжигали, топили, расчленяли, выкапывали из земли и выбрасывали в кучу мусора. Так, в 1558 г. золотых и серебряных дел мастер из Труа Клод Портесэн был посажен в тюрьму за то, что «не снял шляпу, когда проходил мимо Церкви Нотр-Дам в Труа» и там избит до смерти заключенными. Погибшего похоронили сначала на кладбище, но не надлежащим образом. Труп откопали собаки. «Узнав об этом, католики утащили тело с кладбища и закопали его в месте, где все привыкли мочиться и испражняться»²⁹.

Законодательство могло скрупулезно предписать такой порядок похорон, который считался оскорбительным. Эти исключительные нормы, менявшиеся, однако, в обычное время, опирались на представление о том, что надругательство над трупами и могилами есть тягчайший способ оскорбления противников, живых или мертвых, а кроме того в моменты социальной напряженности оно давало выход эмоциям недовольных³⁰.

²⁷ Raemond F., de. L'Histoire de la naissance, progèz et décadence de l'heresie divisée en huit livres. Rouen, 1623. Livre 8. Ch. XVIII: «Le la sepulture des calvinistes et comment ils ont désiré d'estre ensevelis dans les Eglises catholiques». P. 1056.

²⁸ Ibid. P. 1057 et suiv. Приводимые аргументы и ссылки заставляют предполагать, что полемист читал П.Вире, о котором он, впрочем, ни разу не упоминает.

²⁹ Pithou N. Op. cit. P. 191 et suiv.

³⁰ Рассказы о «спонтанных» и «легальных» издевательствах над останками умерших кальвинистов, а также исследования, где такие примеры приводятся, также слишком многочисленны, чтобы их все можно было здесь привести. Вот лишь два примера: Gelin H. Cent cadavres de Huguenots sur la claie et la voirie sous Louis-le-Grand // BSHPF. 1903. T. 52. P. 385-456; Lindemann M. Armen- une Eselbegräbnis in der europäischen Früh-

* * *

Констатации того, что в «погребальных обрядах» реформатской церкви нельзя разобраться, не проследив во всех подробностях их реальное проявление, недостаточно. Нужно обратиться к протестантской «системе» представлений и традиций в целом, чтобы понять причины столь удивительной связи между отказом от католического воображаемого – Чистилища и молитв за умерших - и продолжительной приверженностью весьма своеобразной манере поведения, которую невозможно объяснить с точки зрения одной только заботы об «очеловечивании».

Предлагаемое нами объяснение не является плодом размышлений об эмоциях свидетелей кончины или изучения «поведения протестантов перед лицом смерти». Она в большей мере касается области исторической антропологии. А именно - в погребальных обрядах протестантов проявляются те же установки, что и в исполнении ритуала причащения.

Эти обряды обнажают глубинные представления, внушенные проповедями и катехизисом и закрепленные ритуалом причащения. В памяти и в воображении верующего именно они выходили на первый план, когда человек оказывался в «пограничных ситуациях», в частности, перед лицом смерти. В этой ритуальной цепи кончина, свидетелями которой становились протестанты, оказывалась напрямую связана со словами и поведением на протяжении всей жизни. В упорядоченной системе представлений о «жизни», «смерти», «кончине» и их значении, погребальный обряд становился завершающим этапом пути.

Описание и сопоставление того, как совершался ритуал причащения и погребальный обряд, приводит нас к двум наблюдениям.

Первое, весьма важное наблюдение касается сферы жестов: и в том, и в другом случае формировалась процессия. В самом деле, когда протестанты совершали ритуал причащения, они подходили к пастору строго организованной процессией, другой такой процессией являлся погребальный кортеж. И в том, и в другом случае само «событие» носило индивидуальный характер, однако осуществлялось в окружении всей общины. С одной стороны, это было принятие хлеба и вина после проповеди, а, с другой, – сопровождение погребальной процессии.

Тщательный анализ поступков и слов, обязательных при отправлении ритуала причащения, позволяет сделать второе наблюдение относительно погребения.

Во время исполнения обряда причащения мужчинам и женщинам, вкушавшим хлеб и вино, говорилось: «Вознесем же наш дух и наши сердца к небу, где пребывает Иисус Христос, но отнюдь не будем тешиться сими

neuzeit, eine Methode spezieller Kontrolle. Dans Studien zur Thematik des Todes im 16. Jahrhundert. Herausgegeben von Paul Richard Blum. Wolfenbüttel, 1983. P. 125-139. Также стоит обратить внимание на работы, касающиеся осквернения еврейских кладбищ в Западной Европе, в том числе относительно более ранних эпох.

подверженными порче земными вещами, кои мы видим глазами и трогаем руками»³¹. И, действительно, у протестантов здесь не было ничего такого, что могло бы соблазнить «чувства» людей – ни потира, ни тщательно отделанного дискаса, ни вознесения гостии. Ритуальный смысл этих слов состоял в призыве отделить тело от души, совершить своего рода «ритуальную смерть», поскольку смерть (мы еще к этому вернемся) в ту эпоху и в той среде, понималась как их разделение. «Душу» как бы приглашали обратиться к познанию и созерцанию Спасителя, о котором ясно говорилось, что он пребывает «на небе». Но ведь и на пути к могиле точно так же «не тешились» земными вещами, «которые мы видим глазами и трогаем руками». С покойником не производилось никаких обрядов, не заботились даже о том, чтобы положить его в землю в определенном направлении или придать ему определенную позу. Во время процессии сохранялась сдержанность и царил полная тишина.

Здесь следует сказать об антропологии протестантизма: скромность ритуала напоминала его приверженцам о бессмертии человеческой души. Считалось, что после «физической» кончины та поднимается к небесному Спасителю, дабы ожидать воссоединения с телом, от которого была отделена³². Необходимо подчеркнуть, что кончина представлялась как разделение тела и души. Эта идея вполне определенно выражается в текстах, приписываемых протестантским «мученикам»³³. Многие из них, находясь в заключении, не имея возможности участвовать в собраниях верующих, подвергаясь пыткам и зная, что в будущем их ожидает костер, говорили о постепенном отделении от души их страдающего и слабого тела, кое есть «плоть». Они переживали опыт такого разделения или выражали желание его пережить, хотя никто из них не покончил с собой. «Мое желание со-

³¹ Текст литургии причащения мы публиковали и комментировали в: *Comment faire la Cène? Rite et retour aux Ecritures dans les Eglises réformées di Royaume de France au XVIe siècle // Les retours aux Ecritures. Fondamentalismes présents et passés / Ed. par E. Patlagean et A. Le Boulluc. Louvain, P., 1993. P 195-216. См. также: Faire la Cène dans les Eglises réformées du Royaume de France au seizième siècle // Archives de Sciences Sociales des Religions. 1994. T. 85. P. 99-119.*

³² Вспомним, что Ж. Кальвин еще в 1534 г. обличал тех, кто отрицал бессмертие души. См.: *Calvini J. Psychpannychia // Calvini J. Opera. 1866. Vol. 5. Col. 170-171.* Элементы эсхатологии содержались в Катехизисе Женевской Церкви, применявшемся и во Франции, хотя там, помимо него, использовались и другие тексты: см. 17-е воскресенье, вопросы 106-110. И эти идеи были восприняты. Так, 23 марта 1566 г., накануне смерти, Жак Спифам пишет в своем завещании, говоря о себе в третьем лице: «Да будет угодно (Господу) принять сегодня его душу для вечного упокоения... в том же, что касается его тела, то земля и склеп будут его обителью до дня всеобщего воскресения».— *Delmas A. Procès et mort de Jacques Spifame // BHR. 1944. T. 5. P. 105-137.*

³³ Так, например, среди прочих, «юноша» Жан Морель в контексте длинной дискуссии о причащении (sic!) писал: «А что касается моей души, мне весьма необходимо о ней позаботиться; ибо очень хорошо известно, что, хотя наше тело есть храм Святого духа, но наш Господь установил такую же разницу между душой и телом, какая существует между телом и его одеждой». — *Histoire des Martyrs. T. 2. P. 627 a (1558).*

стоит скорее в том, чтобы умереть, чем в том, чтобы жить, я хотел бы, чтобы сражение завершилось, и орех был, наконец, расколот»³⁴. «Я желаю переселиться отсюда, дабы быть рядом с Христом»³⁵. Как и во многих образцах молитв XVII и XVIII вв., душа обозначалась здесь личным местоимением или существительным.

Теперь попробуем вообразить, по-видимому, горестные размышления участников похоронной процессии. В принципе их мысли могли быть только о вознесении «душ» к небу, куда и отправилась душа умершего. И коль скоро мы начали статью с констатации отличий людей той эпохи от нас, то обратим внимание: в их среде, конечно, не связывали мертвое тело с личностью усопшего! К могиле не несли какого-то «конкретного» человека. В отличие от католиков и лютеран, которые, возможно, полагали, что связь между телом и душой сохраняется еще несколько часов после кончины, пока не завершён положенный похоронный обряд и не произнесены соответствующие речи.

* * *

Погребальный ритуал и обряд причащения очень сильно перекликаются друг с другом. Те, кого Консистерия допускала к причащению, получали от этого вполне конкретную «пользу», четко обозначенную в произносимых при выполнении обряда словах. Приведем их, преднамеренно опустив две последние фразы³⁶. Раздача и вкушение хлеба и вина были знаками приобщения к «Спасителю». Он «на самом деле хочет, чтобы мы причастились Его тела и крови, дабы мы обладали им целиком; ибо Он хочет жить в нас...» Так формулировалась идея мистического единения, через которое верующие приобщались к принесенной Спасителем жертве. Они были связаны с Иисусом верой, однако единение оставалось хрупким, вокруг него шла борьба. Его все время следовало поддерживать повторением обряда причащения.

Далее говорилось о воле Спасителя, чтобы «мы (жили) в нем»³⁷. Для этого действия не подходит аналогия с трапезой. Здесь идет речь о движении к полному и окончательному единению верующих «в своем Спасителе». И оно не осуществлялось сразу же.

Историки религии узнают здесь ситуацию, когда благотворное действие совершаемого обряда откладывается. В данном случае полное единение «души» со Спасителем, обещанное ритуалом причащения, откладывалось до кончины. Именно тогда осуществлялось и то, что относилось к области метафоры, так и то, что касалось «действительности». Душа, «действительно» отделившаяся от тела вследствие кончины, теперь «жила» на

³⁴ Ibid. Т. 3. Р. 454 b (Christophe Smith, Anvers, 1564).

³⁵ Ibid. Р. 455 a (о нем же).

³⁶ La Forme des prières. Р. 48, 7.

³⁷ Ibid.

небе, отныне недостижимая для греха, который в качестве своего орудия использовал тело. Многие авторы, например, П. Вире, писали не о «смерти» тела, а о его «сне» на ложе, даруемом «матерью-землей»³⁸. Жан д'Эспин утверждал даже, что в теле сохраняется зародыш жизни, некий элемент преемственности между кончиной и воскресением, наподобие снесенного курицей яйца. Отсюда забота о благопристойных похоронах по образцу тех, что были совершены над Иисусом из Назарета. Ущерб, нанесенный телам во время боя, не имел никакого значения, когда совершались коллективные захоронения. Речь ведь шла о том, как живые представляли себе своих мертвых, а не о вопросах судебной медицины. Итак, считалось, что в момент кончины тело и душа разлучаются. А значит, они уже не пребывали вместе, и невозможно было сказать о душе, что она «спит», а о теле, что оно «умерло». Душа оставалась «живой», а тело «спало». Вот почему для «тела» ничего нельзя было сделать, и ничего нельзя было ему сказать. Что касается души, то ее можно было наставлять в течение последних часов перед кончиной. А потом она уже и в самом деле больше ни в чем не нуждалась.

* * *

Связь между обрядом причащения и погребальным ритуалом протестантов состояла в том, что именно первый определял принятую у них столь своеобразную форму похорон. Очень может быть, что именно причащение придавало протестантам смелости вести себя подобным образом, хотя данное утверждение историку трудно доказать. Итак, представления и поведение, обусловленные неукоснительно повторявшимся четыре раза в год обрядом причащения, потребность в котором испытывали люди, оказывались неотделимы от погребального ритуала³⁹. Имеющая биологическую природу кончина не воспринималась как событие, прерывавшее единство верующих с Богом. Кончина не была тождественна «смерти». Во время причащения чувства человека обретали опыт другого «видения» жизни. Он был как «реальным» эмпирическим, так и «метафорическим», т.е. относящимся к области собственно религиозного дискурса: «Мы родимся мертвыми и остаемся мертвыми до тех пор, пока не приобщимся к Христу»⁴⁰. С момента крещения о верующем начинали говорить, что он «умирает для греха, для мира», чтобы «жить» для Бога. Кончина завершала восхождение к «жизни», считавшейся «истинной» и «вечной». Согласно смыслу причащения, участники погребальной процессии являлись, по су-

³⁸ Картина, которая долгое время будет развиваться проповедниками, например, Жаном д'Эспином, как показано в нашей работе: *Roussel B. Écrire au temps des troubles: 1505-1597 // Actes du Colloque de Saint Andrew, août, 1999.*

³⁹ Что придает особую важность решению Консistorии не допускать кого-нибудь временно или постоянно к причащению.

⁴⁰ *Calvini J. Commentarii in... [Epistolam] ad Ephesios // Calvini J. Opera Exegetica. Vol. 16. Genève, 1992. P. 177, 15 ss, ad Eph 2, 1 ss.*

ти, мнимо живым, сопровождавшими к могиле тело, по сути, мнимо мертвого.

Живые верующие по представлениям протестантов были «не далеки» от усопшего. Тут наблюдается существенное отличие от понимания вещей, распространенного у католиков. Понятие Чистилища предполагало определенную дистанцию между живыми и мертвыми. Душа усопшего находилась «там», и для облегчения ее участи возможно было что-то сделать. У протестантов же не было ничего подобного: между живыми и мертвыми не существовало расстояния, и для усопших не нужно было совершать никаких действий. Те и другие пребывали, по их мнению, на одной и той же начальной стадии пути, в сообществе, единство которого не нарушалось кончиной. Этот путь шел от земного мира, где верующие начинали свою борьбу с грехом, а завершался на небесах воскресением, благодаря которому душа, не подвергаясь опасности, воссоединялась с телом.

Погребальные обряды протестантов гармонично соответствовали их общим представлениям о том, что спасение зависит только от Бога, а человек может выдумывать все, что угодно, но от этого ничего не изменится. Протестанты ничего не делали «для» умерших. Однако не делали они и ничего такого, что свидетельствовало бы о неизмеримой дистанции между живыми и мертвыми. «Единство», созданное обрядом причащения, не разрушалось из-за кончины того или иного человека. Бог просто «забирал его к себе», как часто писалось в реестрах Консistorии⁴¹

Разрыв протестантов с традиционными католическими практиками очевиден. При этом нетрудно найти и примеры участия кальвинистов в похоронах по католическому обряду. Консistorии рано стали осуждать подобные действия как недопустимые. Историки же, воздерживаясь от морализаторства, видят здесь форму приспособления к ситуации или результат социального принуждения. Такие факты не были исключительными. Протестанты Французского королевства, действительно, не хотели, как анабаптисты, жить за пределами институированного общества. Они не были похожи ни на первых пуритан, согласившихся войти в Англиканскую Церковь, ни на тех, кто эмигрировал, чтобы основать новое общество, соответствующее их принципам. Несмотря на ярко выраженную специфику обрядов и религиозных представлений – отказ от церковной иерархии и постоянного духовенства, оригинальное устройство консistorий и т.д.⁴², французские протестанты стремились оставаться интегрированными в общество. Это, например, хорошо заметно по кладбищу, которое в 1566 г.

⁴¹ Например см.: *Livre des délibérations de l'Église réformée de l'Albenc (1606-1682)* / Ed. par F.Francillon. P., 1998. P. 192 et suiv. Об умерших говорится в следующих выражениях: «Бог забрал к себе», «Г-н... отправился к Господу», «Анна... была призвана к Богу», в противовес обычному: «...скончался».

⁴² См.: *Roussel B. Les premières Disciplines et la construction d'une culture réformée // Actes du Colloque de Haïfa* (в печати).

несколько протестантов приобрели в Пюи. Оно представляло собой огороженный участок. На фронтоне ворот «изображался королевский герб в золоте и лазури» и помещалась надпись: «Блаженны те, кто умирает во Иисусе Христе». Во время похорон усопшего «несли на руках, и он был покрыт черным покровом, на котором изображался королевский герб». Ж.Бюрель писал об этом, как о «зрелище странном и скандальном»⁴³.

Таким образом, специфика погребальных обрядов протестантов составляет одну из граней их культуры. С точки зрения иноверцев, она казалась неприемлемой, однако укоренилась очень надолго, ибо была связана с общей системой представлений и институтов протестантов: с догматами о спасении по воле Божией, о бессмертии души, с обрядом причащения, с наличием консистории и собраний. Ее нельзя, следовательно, сводить к одному лишь проявлению анти-католицизма. Кроме того, погребальные обряды показывают, как французские протестанты хотели бы жить на территории Королевства. Они добивались для себя права на пространство, которое готовы были делить с другими. Для протестантов не существовало понятия «святой земли» или освященной земли. Они претендовали лишь на предоставление им какого-нибудь участка, где могли бы хоронить умерших. Но католики не готовы были так же относиться к земле и к «пространству», не готовы были его делить. В этом коренился источник одной из самых больших трудностей, связанных с исполнением Нантского эдикта. При этом протестанты следили за тем, чтобы не нарушать покой общественно-политического пространства. Похоже, они соблюдали древние традиции бдений, праздничных трапез и т.д., но включали их в особый культурный контекст, от которого не собирались отступать. Известно, что дворян-гугенотов могли хоронить в фамильных часовнях, или ставили им надгробные памятники, льстившие самолюбию потомков. Все это было проявлением социального конформизма.

* * *

В заключение приведем одно наблюдение. Обряд причастия был связан с погребальным ритуалом. Тут стоит обратить внимание на важный парадокс. При совершении причастия, действительно, происходило превращение. Речь идет не о превращении хлеба и вина в тело и кровь Иисуса Христа, если пользоваться теологическими выражениями, а о превращении верующих, которые, вкусив хлеба и вина - знаков жертвы Спасителя, должны были отныне жить под сенью креста. Их призывали умереть для самих себя и для мира. Разрешением драматического конфликта становилась кончина, хотя, конечно, причастие не освобождало верующих от страха в момент приближения смерти. Но как им внушали, кончина вела к вхождению «в истинную жизнь». Таким образом, протестант в течение

⁴³ Mémoires de Jean Burel. Journal d'un bourgeois du Puy à l'époque des Guerres de religion / Publiés par A. Chassaney. Saint-Vidal, 1983.

всей жизни пребывал в состоянии смерти, а когда «умирал», то в наиболее полной мере обретал «жизнь». Многочисленные проповедники представляли неизбежную кончину как желательную. И это положение, как показывает пример протестантов XVI-XVII вв., отнюдь не было недоступным пониманию «парадоксом». Именно оно определяло сложную идентичность оригинальной культуры протестантского общества. Переоценивать, как это делает социальная история, положительное отношение кальвинистов к земному миру после того, как они сами же его развенчали, значит, ставить противоречие на место парадокса. Главная трудность такого противоречия заключается в невозможности отдать предпочтение той или другой его стороне. Жить же внутри парадокса можно: собственно, это наблюдается в любой устоявшейся религии.

Мы отказались от объяснения погребальных обрядов протестантов исключительно мотивом анти-католицизма. В самом деле, уже предварительный анализ источников побуждает к исследованию представлений и практик кальвинистов в более широком аспекте исторической антропологии. Такой подход позволяет вскрыть существенные элементы культуры протестантов, которые, хороня своих мертвых, «делали» для них меньше, чем их далекие предки 100 000 лет назад.